

ОБ ЭВЕНКИЙСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ И ЯЗЫКЕ БУРЯТ

Истоки этнической связи бурят с эвенками, судя по материалам исторических легенд бурятского народа, имеют очень большую давность.

В широко известной легенде о Буха-нойоне, проникшей в летописную литературу бурят, повествуется, по одной версии, что шаманка Асуйхан усыновила Булагата, Хоридоя и Эхирита¹, по другой — родила Бурядая и Хоридоя². Нас интересует имя праматери бурят Асуйхан, которое расшифровывается на базе эвенкийского языка и означает «красавица»³. Следовательно, еще в древности буряты имели взаимобращные отношения с эвенками, что и сказалось в создании обобщенного образа-эпонима бурятской праматери-эвенкийки Асуйхан.

У эхиритских бурят Иркутской области бытует версия, согласно которой седьмой сын Хадалая⁴ Хамнагадай родился от эвенкийки. Это вполне возможно, потому что, во-первых, потомки Хамнагадая, состоящие из четырех ветвей: Убхэ, Башун, Шарма и Шодор — живут в таежной местности Кырма, расположенной недалеко от рек Илги и Баркя, по которым в свое время обитала часть верхоленских эвенков; во-вторых, имя самого Хамнагадая буквально означает «происшедший от хамниганов-тунгусов, то есть от эвенков». Хамнагадаи, как полагают его потомки, жил где-то в начале XVI века.

Случаи женитьбы бурят на девушках эвенкийского происхождения в ряде мест Бурятии, по-видимому, были довольно обычным явлением. Например, жители местности Хатар Баяндаевского района Иркутской области рассказывают, что раньше

была популярной песенка: *Зуун хараан Зуугамнаэ, Зуугаэн хамнагад нагъсамнаэ* (Зогн⁵ от нас находятся в ста верстах, а зогинские эвенки — наши родственники по матери).

В селе Нагатай, находящемся в местности Кырма, нам сообщили: *Ганшагтаэ изицмнаэ хамнаган йаһатаэ, эрэ хүүмнаэ баряад йаһатаэ йэм гээд гэлэжи һуугши аан*⁶ (Прежде говорили, что женщины наши произошли от эвенков, а мужчины наши — от бурят).

Такие села Баяндаевского района Иркутской области, как Таба, Хогот, местности по Качугу: Кулинга, Анга и Манзурка — тоже имели взаимобрачные связи с эвенками.

Труднее поддаются выяснению факты усыновления бурятами эвенкийских детей, хотя иногда встречаются упоминания об этом. В частности, хоринские буряты, интересующиеся своим прошлым, до сих пор считают, что Цыден-Доржи Аюшеев, занимавший пост главного тайши Хоринской степной думы с 1890 года по 1898 год, происходил от эвенков и что его отец был эвенком. Во время экспедиционной поездки по Алари (Иркутская область) в 1962 году в селе Халта мы встретились с М. Н. Бадмаевым (1930 г. рожд.), усыновленным в детстве бурятом Бадмаевым. В Тунгусах живут родные дяди М. Н. Бадмаева — эвенки Кукаевы.

Наиболее многочисленными являются сведения относительно обурячивания, быть может, небольших, но все же целых групп эвенков, сохранивших свои родовые названия.

Среди унгинских бурят Аларского района Иркутской области проживают представители зомотского рода. Относительно их предка существует легенда, что эвенк Зомот жил (должно быть, в начале XVII века) где-то на правом берегу Ангары и что буряты нойотского рода братья Туман и Зуман, поссорившись с Зомотом, вынуждены были перебраться на левобережье Ангары. Действительно, приангарские нойоты живут в двух местах: одни из них на правом берегу Ангары, повыше (то есть южнее) Балаганска, в Усть-Удинском районе, другие — на левобережье, в селах Нельхай, Апхайта, Балтуй и других. Последние как раз и считают себя потомками названных выше двух братьев.

Кроме того, про Зомота рассказывают, что Баргад хүүни басыган, онход хүүни бэрэ — Муудаэ нбии, Оигоэн төөдээтээ золдо йэрһэн Зомоод (Найдёныш Зомот был приведен со старушкой Онгоя по имени Мудай-нбий, баргутской дочерью и онхотской невесткой). По легенде, Онгой, вероятно, после какого-то набега (попутно заметим, что по Осе и Унге живут буряты

онгойского рода) взял себе в жены баргутку Мудай-ибий, которая являлась до этого невесткой эвенка онхотского рода и была приведена с сыном по имени Зомот. Нельзя, видимо, считать случайным тот факт, что потомки Зомота, хотя мать последнего и стала женой Онгоя, не относят себя к онгойскому роду. Правда, они не считают себя и онхотцами.

Зомотцы могли быть выходцами из Западной Монголии. Если это соответствует действительности, то может оказаться, что они представляют собой омонголившихся эвенков.

Среди молькинских бурят, проживающих в Усть-Удинском районе, выше Балаганска, и являющихся преимущественно нойотами, встречаются представители так называемого наратского рода. По воспоминаниям здешних бурят, раньше по Молькинскому хребту жили эвенки (хамнагад). Учитывая это и помня, что когда-то и зомотцы обитали на правом берегу Ангары, то есть где-то в этих же местах, возникает вопрос: не являются ли нараты, вошедшие теперь в состав молькинских бурят, в своем прошлом эвенками? В наших материалах, к сожалению, нет таких данных, ссылаясь на которые, можно было бы более определенно ответить на поставленный вопрос.

Историки, основываясь на архивных документах, пишут, что в XVII веке в Балаганский острог платили ясак эвенки борондоева и харанутского родов и что они впоследствии обурятились⁷. Однако это еще нужно проверить. Эвенкийское прошлое харанутского рода также ставится под сомнение. Борондоев род, предположительно, имеет ойрат-монгольское происхождение.

Большей частью в современных Тункинском и Закаменском аймаках Бурятской АССР, частично среди китойских и идиинских бурят Иркутской области проживают шошолыки (шошоологууд), которых устная традиция бурят чаще всего относит к хонгодорам⁸ или близким к ним родам, но изредка считает их эвенками⁹. В Иркутской области — по Алари и Китою, в одном-двух селах Куды, а в Бурятской АССР — в Мухоршибирском аймаке живут долонгуты (долоонгууд), которые в Добайкалье примыкали к хонгодорам, а в Забайкалье — к гучитскому роду хоринских бурят.

Если придерживаться устной традиции бурят, то было бы затруднительно отнести шошолыков и долонгутов к бывшим эвенкам, но вместе с тем они не могут быть без спора включены в состав какого-либо бурятского племени. Некоторые историки склонны считать интересующие нас роды эвенкийскими. Например, Б. О. Долгих пишет: «Возможно, что **Цысолики** (выделено

нами. — Ц. Ц.) — это тунгусский род, может быть родственный загачинам ... занимавший район расселения хонгодоров до их прихода и ими монголизированный»¹⁰. Кроме того, Б. О. Долгих указывает, что «другим племенем тунгусов Нерчинского уезда были намяты (или намясинцы). Они состояли из родов Каранамят, Сино-намят, Поинкин, Конур, Долот (выделено нами — Ц. Ц.), Чипчинут, Джалтот»¹¹.

На восточных окраинах территории расселения хоринских и агинских бурят попадают небольшие группы обурятавшихся эвенков. Так, в Телембе (Еравнинский аймак Бурятской АССР) рассказывают, что к здешнему шарайтскому роду хоринских бурят в свое время (когда именно, не знают, но указывают, что это было задолго до революции) присоединилось несколько дворов эвенков пуцагатского рода (пуусагад хамниган). В селе Авдее Читинского сельского района проживает несколько дворов бывших эвенков баликагирского рода (балихаагир хамниган)¹², присоединившихся к местным хуасаевцам¹³.

В местности Уртуй Могойтуйского района Агинского Бурятского национального округа в данное время насчитывается 6—7 дворов бурят, принадлежавших в прошлом хамниганам-улятам. В местности Будлан Агинского района того же округа есть группа балтягинских шарайтов (балтяаган шараэд), то есть бывших хамниганов балтягинского рода, присоединившихся к местному шарайтскому роду агинских хори-бурят. Имеется глухое упоминание, что балтягины были и среди гучитов, относимых бурятами к одиннадцати хоринским родам.

Так называемые конные тунгусы (хамниганы) бывшей Урульгинской думы ныне разбросаны по юго-восточной части Читинской области в Карымском, Шилкинском, Нерчинском, Шелопугинском, Приаргунском, Борзинском, Оловянинском и Могойтуйском районах; по юго-западной части Читинской области в Дульдургинском, Акшинском и Кыренском районах. Первые, нерчинские хамниганы, в большинстве своем обрусели и лишь частично (например, таласинцы) обурятились, тогда как вторые, ононские хамниганы, постепенно обурячиваются. Среди обурячивающихся хамниганов есть представители таких эвенкийских родов, как дулигат (ср. дуликагир), даганкан, пуцагат (ср. почегор), вакчил (ср. вакасыл), чимчигит (ср. чемчагир), луникир, чинкегит (ср. челкагир), балтягин (ср. бультегир) и дзалтут (ср. желтот). Эти эвенки, живя совместно с наиболее многочисленными гунейцами, токчицами и удзонами, представляющими собой монголов, испытавших значительное хамниганское влияние,

сначала усвоили диалектную монгольскую речь, а потом вместе с этими же монгольскими племенами стали обурячиваться под непосредственным влиянием соседних с ними агинских бурят. Однако еще до сих пор их язык во многом отличается от бурятского языка.

Конные тунгусы бывшей Армакской управы живут теперь в Джидинском и Закаменском аймаках Бурятской АССР. По их словам, здесь имеются потомки эвенкийских родов Заектая (Заягтаэ) и Цынкигена (Цэнхигэн). Из исторической литературы известно, что среди хамниганов этой управы находились обурятившиеся эвенки заектаева и цынкигинского родов. По мнению Б. О. Долгих, первый из этих родов образован из иркутских тунгусов, являвшихся в основном кумкагирами, а второй — из верхоленских тунгусов, относившихся к цынкигинскому (или Чинкигинскому) роду¹⁴.

Таким образом, среди бурят насчитывается полтора десятка групп с эвенкийскими названиями. На самом деле их могло быть и больше, потому что, во-первых, мы специально не занимались сбором этих данных, поэтому могут обнаружиться пропуски; во-вторых, местами, возможно, уже забылись отдельные родовые названия групп эвенкийского происхождения; в-третьих, нельзя не иметь в виду, что ассимилировавшиеся люди не всегда охотно сообщают о своем прошлом.

Все перечисленные нами данные говорят о заметном этническом проникновении эвенкийских элементов в состав бурят. Это не могло не оказать и действительно оказало влияние на язык бурят. Эвенкизмы в бурятском языке пока что могут быть отмечены только в области лексики и фонетики.

Лексические заимствования из эвенкийского языка, вошедшие в язык бурят, отчетливо подразделяются на две группы: 1) местные топонимические названия, расшифровываемые на базе эвенкийского языка; 2) те или иные слова, обозначающие промыслово-хозяйственные и обиходно-бытовые понятия.

Ученые уже давно обратили внимание на то, что в Восточной Сибири реки и долины по ним, горные хребты и их отроги, занимаемые ныне бурятами, носят не только монголо-бурятские, но и какие-то иные названия. Среди этих названий обнаруживаются, в частности, слова эвенкийского происхождения. Приведем некоторые примеры.

Аалан — горный отрог в Хоринском аймаке БурАССР, откуда берет начало речка с одноименным названием (по-русски Алон). *Алан* в урмийском говоре означает «горный перевал»¹⁵.

Ага — обширная, большей частью степная местность в

Читинской области, по которой протекает река с одноименным названием. В верхнеалданско-зейском диалекте слово *аги* переводится как «поле», в баргузинском — «открытое место, степь»¹⁶.

Алла — местность в Баргузинском аймаке БурАССР. Во многих эвенкийских диалектах, в том числе и в баргузинском, *олло* в переводе означает «рыба»¹⁷, а в подкаменно-тунгусском и токминско-верхоленском диалектах *алла* — «искра»¹⁸. Правда, затруднительно сказать, объясним ли топоним *Алла* с помощью одного из этих двух слов. Тем не менее не вызывает сомнения, что название этой местности, где, кстати, живут и эвенки, имеет эвенкийское происхождение.

Анга — река в Качугском районе Иркутской области, протекающая по одноименной узкой долине и впадающая в реку Лену. В северо-байкальском диалекте *анга* — «щель»¹⁹.

Асхаг — местность и село (по-русски Ацикак) на Малой Анге в Качугском районе. *Асикаг* в подкаменно-тунгусском и непском диалектах — ельник (подлесок)²⁰. Село Ацикак расположено в ельнике²¹.

Ашанга — местность в Хоринском аймаке. В подкаменно-тунгусском, непском и витимо-нерчинском диалектах *асинги* — женский (принадлежащий женщине)²². В диалекте хоринских бурят смягченный *с* переходит в *ш*. Кроме того, следует иметь в виду рассказы жителей Ашанги о высокопоставленной шаманке, похороненной у них на пригорке и, должно быть, почитаемой покровительницей близлежащих мест.

Багдарин — местность, рабочий поселок в БурАССР. *Багдарин* во многих диалектах эвенкийского языка означает «белый; светлый»²³. Недалеко от поселка Багдарин есть известняковая гора, которую по-русски называют Белой горой.

Дэрээн — местность в Баргузинском аймаке. В ряде диалектов эвенкийского языка *дырэн* или *дэрэн* — исток, начало реки²⁴. В пределах Дырена есть маленькие горные речки, берущие свое начало и впадающие в р. Баргузин: одна такая речка проходит мимо Аллы, а другая — мимо Баталлы.

Маарагта — местности с одноименными речками (по-русски Марикта) в Баргузинском и Еравнинском аймаках БурАССР. *Марикта* в верхнеалданско-зейском диалекте означает «марни-ковая береза, марник»²⁵.

Могзоон — местность и железнодорожная станция (по-русски Могзон) в Читинской области, озеро в Еравнинском аймаке. У чильчагиров (Верхняя Ангара) слово *могдээн* переводится как длинное озеро²⁶. Местность у железнодорожной станции

Могзон очень болотистая и с небольшими озерами.

Сэлэнгэ — известная река (по-русски Селенга), впадающая в оз. Байкал. Академик Б. Я. Владимирцов высказал предположение, что это название могло быть образовано от тунгусо-маньчжурского слова *сэлэ* (железо) посредством показателя прилагательного *-нгэ*, давшего Сэлэнгэ (Селенга), что буквально означает «железная»²⁷.

Тээгдэ — местность в Хоринском аймаке. В большинстве диалектов эвенкийского языка *тыгдэ* — дождь²⁸. Тэгда находится на отрогах хребта Улан-Бургасы, то есть на высоких гористых местах, где часто бывают дожди.

Хамнеэ — местность и село (по-русски Хамней) на берегу Джиды в БурАССР. В северо-байкальском диалекте *камни* — узкая приречная полоса земли у подножия горы²⁹.

Хёлго — река (по-русски Хилок), берущая свое начало из Шакшинского озера на Яблоновых хребтах и впадающая в Селенгу, а также долина этой реки. В токминско-верхоленском, северо-байкальском, баргузинском и нерчинском диалектах *килгэ* означает «брус, точильный камень»³⁰.

Э. Р. Рыгдылон в статье «Топонимические этюды» писал, что «при исследовании местности оказалось, что не только по Хилку имеются породы, годные для точильных брусков, но и одно урочище носит название Билютый (по-бурятски Бэлютэй или Бүлютэй), то есть «Точильный», иначе говоря, это — тюрко-монгольский вариант тунгусского Килого»³¹.

Хүлэнхэн — река и местность (по-русски Кулинга) в Качугском районе. *Кулин* во многих диалектах эвенкийского языка в переводе означает «змея»³², а в верхоленском говоре оно произносится как *колин* и имеет то же самое значение³³. Было высказано предположение, что Кулинга представляет эвенкийское имя прилагательное *кулинги* (кулин + -нги), означающее «зменный»³⁴.

Элхи — местность и река (по-русски Илька) в Заиграевском аймаке БурАССР. В северо-байкальском диалекте *илки* — цветок³⁵. В начале лета долина Ильки, как, впрочем, и многие другие места в Бурятии, обильно бывает покрыта дикими цветами.

Географические названия, воспринятые бурятами от эвенков, распространены по всей этнографической Бурятии, особенно их много в таких местах, как Верхняя Лена, Баргузин, Еравна, восточная часть Читинской области и т. д. По расшифровке этих топонимов должна быть проведена кропотливая и большая работа.

Что касается эвенкийских слов со значениями промыслового и бытового характера, заимствованных в бурятском языке, то их, по всей вероятности, не так много, как топонимов. Тем не менее они все же обнаруживаются, и мы можем привести такие, например, слова:

Апаа — «междометие, выражающее: а) брезгливость — тьфу!; б) испуг — ах!»³⁶. *Апа* у киндигиров (север Байкала) — женский половой орган; восклицание при неожиданном испуге³⁷.

Гуран — дикий козел³⁸. У киндигиров (север Байкала) *гуран* — самец дикой козы³⁹.

Дэгли в сочетании *хүхэ дэгли* означает «цапля»⁴⁰. В верхне-алданско-зейском диалекте *дэкэли* — утка (похожая на кулика)⁴¹.

Жал только в сочетании *туулайн жал* — заячье беспокойство (или печаль). *Дял* в сахалинском диалекте: 1) печаль; 2) печальные мысли⁴².

Зүдэг — постыдный, позорный⁴³. В учурско-зейском и сахалинском диалектах, урмийском говоре *дюдэк* — 1) неряха; 2) худой, тощий⁴⁴.

Зээгэн — россомаха⁴⁵. *Джеһан* в Чанчуре означает «россомаха»⁴⁶. *дееган* в верхоленском говоре — «россомаха»⁴⁷.

Муха (или *мухаа*) — милый, милая (при обращении)⁴⁸. В тунгирском говоре *мука* — жаль⁴⁹.

Нэнгэхэ — 1) прислоняться; 2) наклониться; подаваться вперед⁵⁰. В Нерчи *нэнгэм* — поклониться⁵¹. В ряде диалектов и говоров *нэнгэ-ми* — наклонить голову, наклониться, пригнуться (чтобы достать что-либо, положить куда-либо)⁵².

Оро — олень⁵³. *Орон* — северный олень⁵⁴, олень (домашний)⁵⁵.

Сагдуул — молодой лес, поросль⁵⁶. У киндигиров (север Байкала), катчицев (Витим) и туруягиров *дж'агда* — сосна. *Дж'агдаһ* у киндигиров (север Байкала) — сосняк⁵⁷, *дягда* — сосна, *дягдаг* — сосняк⁵⁸.

Сэлин — ударные металлические тарелки. *Сэлэ* — железо⁵⁹; *сэлли* I в подкаменно-тунгусском и непском диалектах — кольчуга, панцирь (из нашитых на ровдугу металлических или костяных пластинок) и *сэлэ* во многих диалектах и говорах — железо; металл⁶⁰.

Түйсэ — туес, коробка из бересты⁶¹. В нерчинском говоре *тыса* — коробка берестяная⁶².

Түүрээхэ — говорить речитативом; рассказывать напевая⁶³. В подкаменно-тунгусском диалекте *турэл-ми* означает «говорить»,

в урмийском говоре и сахалинском диалекте — «ругать»; *турэ́т-ми I* — говорить, выступать (на собрании) и *турэ́т-ми II*: 1) петь (о птицах); 2) в верхнеалданско-зейском диалекте — «пищать» (о мышах)⁶⁴.

Тэли — частица-реплика в ответ на сказанное, которая нередко произносится с иронией, — да-а, н-да. У киндигиров (север Байкала), бултэги́ров и в Шевыкане *тылшм* — понять⁶⁵. В ряде диалектов и говоров *тыливгэ́н* — понятно, ясно⁶⁶.

Унгэлөө — кабарговая струя⁶⁷. У киндигиров (север Байкала) *унгуло* — самец кабарги и *унгулу* ... струйник (мускусный мешочек кабарги)⁶⁸; *унгулэ́* в северо-байкальском диалекте — кабарга (самец)⁶⁹.

Хуурай — самка дикой козы⁷⁰. У тутурских тунгусов *кбрај* — матка дикой козы⁷¹; в верхоленском и нерчинском говорах *кбрај* — дикая коза⁷².

Хүбхэн — мох. В нерчинском и урмитском говорах *купкүк I* — зеленый мох «кукушкин лен», в верхнеалданско-зейском диалекте *купкэн* — пух (птичий), в нерчинском говоре *купкэн* — мох⁷³.

Гогоон — самка марала⁷⁴. У киндигиров (север Байкала) *соһон*, у тутурских тунгусов *соһон* — *матка изюбра*⁷⁵; в зейском говоре *согон* — изюбр, благородный олень (зимнее название)⁷⁶.

Губиха — разматывать (напр. нитки)⁷⁷. У туруягиров *сувим* — вязать⁷⁸. В подкаменно-тунгусском, непском, учурско-зейском и чумиканском диалектах, зейском говоре *сув-ми* — отвязать, а в урмийском говоре и сахалинском диалекте — развязать⁷⁹.

Цагшага — крапивница (птица)⁸⁰. В подкаменно-тунгусском, непском, ербогоченском и баргузинском диалектах *чичакун* — трясогузка⁸¹, в баргузинском диалекте *чокчокун* — трясогузка⁸².

Шүрхы — чирок (птица)⁸³. У бултэги́ров, киндигиров (север Байкала) *чирко*//*чиркуки* — чирок⁸⁴; в непском, ербогоченском и илимпийском диалектах, а также в тунгирском говоре *чиркуки* — утка-чирок⁸⁵.

Янгир — только в сочетании **янгир ямаан** — горный козел. Янг — сопка, гслец (выше зоны тундр)⁸⁶.

Кроме перечисленных и подобных им слов, относящихся к литературной бурятской лексике, имеются заимствования из эвенкийского языка, употребительные лишь в том или ином диалекте бурятского языка.

Так, например, в диалекте западных (добайкальских) бурят бытуют такие эвенкизмы:

Амай (в произношении нередко превращается в *-май*) — папа. У бултэгиров и чильчагиров (Верхняя Ангара), муринских и тутурских тунгусов, в Шевыкане *ами//ама* — отец⁸⁷; *амā* — папа, отец (при обращении)⁸⁸.

Бүхэ — зад. *Боко* — зад, круп (животного)⁸⁹.

Мэтэр — скоро, тут же (обычно употребляется в сочетаниях *мэтэр гэнэн бэээрээ*, *мэтэр гэнээр* — тотчас же, вскоре же). В зейском и урмийском говорах *битэр* — недолго, немного⁹⁰.

Тагша — чашка (чайная). В северо-байкальском и баргузинском диалектах, нерчинском говоре *такши* — чашечка⁹¹.

Халтагай — половина. У бултэгиров *калтакан//калтака* — половина месяца⁹²; *калтака* — половина⁹³.

Шидага (или шитага) — березовое корытце для рубки мяса. В илимпийском диалекте и вилуйском говоре *чита* — береста⁹⁴.

В диалекте восточных (забайкальских) бурят употребительны следующие, например, эвенкийские заимствования:

Адээ — тетя. *Атэ* — женушка, старушка (при обращении)⁹⁵.

Баахалдай — медведь у хоринских и селенгинских бурят. В аянском диалекте *бākэ* — медведь⁹⁶.

Бадарган — грубый, резкий⁹⁷. В урмийском говоре *бадара II* — ворчливый человек, ворчун⁹⁸.

Дэгтэнди — у агинских бурят коробка, ящичек (для хранения мелких предметов пошива). В урмийском говоре *дэктэн* — сумочка в виде небольшого портфеля, в хинганском говоре — ящичек (для бумаг), в илимпийском, сымском и северо-байкальском диалектах *дэктэндэ* — меховой чулок⁹⁹.

Түтүү (или *түүтүү*) — дикий голубь у агинских бурят. У бултэгиров *туту* — дикий голубь¹⁰⁰; в илимпийском, баргузинском и аянском диалектах *туту* — дикий голубь¹⁰¹.

Надо полагать, что в языке олонских хамниганов со временем обнаружится сравнительно большее количество эвенкизмов, нежели в любом другом говоре бурятского языка, пока же выявлено лишь несколько слов¹⁰².

Анам — лось-самец. У киндигиров (север Байкала) *анам* — лось; бык; пороз лосины¹⁰³; во многих диалектах и говорах *анам* — лось (перед спариванием)¹⁰⁴.

Гар — сук, ветка. *Гара*: 1) сук, ветка (сухая); 2) палка¹⁰⁵.

Иргичан — годовалый лось. У бултэгиров, киндигиров (север Байкала) *иргичан* — теленок изюбриный по второму году¹⁰⁶; в северо-байкальском диалекте *иргичан* — изюбр до года¹⁰⁷.

Кхачикаан — собака. У киндигиров (север Байкала) *качи-*

кан — щенок¹⁰⁸; качикан — щенок¹⁰⁹; в наречии баргузинских тунгусов качикан — собака¹¹⁰.

Мутуу — четырехгодовалый изюбр. У киндигиров (север Байкала) муту — четырехгодовалый лось¹¹¹; в ряде диалектов и говоров эвенкийского языка моты — лось¹¹².

Утээ — дитя. В ряде диалектов и говоров эвенкийского языка утэ: 1) дитя; 2) с прит. суффиксом — дочь, сын¹¹³.

Энэм — лосиха. У тутурских тунгусов энин — матка лосиная¹¹⁴; в тунгирском и зейском говорах, верхнеалданско-зейском диалекте — лось (в августе)¹¹⁵.

Характерно, что среди лексических заимствований, принятых из эвенкийского языка в бурятский, львиную долю занимают названия зверей и дичи, а также слова, обозначающие предметы, явления и понятия, связанные с жизнью в тайге. Такие слова представляют половину заимствований. Другая же половина относится к обиходно-бытовым словам.

Влияние эвенкийского языка на бурятский простирается и в область фонетики. Об этом, на наш взгляд, в той или иной степени говорят следующие факты.

Заслуживает внимания употребление фарингального *h* в диалекте западных бурят. Монголоеды считают, что здесь сибиллянт с перешел в начале и середине слова в фарингальный *h*. Но к этому следует добавить, во-первых, что в начале слова вместо ожидаемого *h* наблюдается произношение увулярного *x*; во-вторых, в начале слова вместо *x*, напротив, может встретиться *h*. Кроме того, интервокальный фарингальный *h* может и произноситься и выпадать.

Подобное варьирование в употреблении фарингального *h* было замечено и в языке тофаларов, когда в июле 1965 года небольшой отряд научных сотрудников Бурятского комплексного научно-исследовательского института (ныне Бурятского института общественных наук) СО АН СССР съездил в Алыгджер и Нерху с целью изучения бурятской речи, употребляемой тофаларами наряду со своим и русским языками. В эвенкийском языке звук *h* употребляется также с некоторыми вариациями¹¹⁶.

Поскольку буряты стали обитать в районе Байкала позднее тюрков и, тем более, эвенков, постольку, надо думать, усвоение ими фарингального *h* не могло произойти без влияния языков этих контактировавших с ними народов.

Правда, если даже ограничиться пределами алтайских языков, то *h* употребляется не только в бурятском, эвенкийском, тофаларском, но и в якутском и башкирском языках. Имея в

виду довольно обширный ареал распространения этого звука, высказывается гипотеза, согласно которой фарингальный *h* возник под влиянием общего для всех данных языков субстрата, оставшегося от какого-то, должно быть, самодийского языка¹¹⁷. Не исключено, что со временем будет установлен этот первоисточник. Однако отсюда вовсе не следует, что все языки должны были усвоить *h* от первоисточника. Во всяком случае, представляется более вероятным, что носители бурятского языка восприняли интересующий нас звук от посредников типа тофаларов или эвенков.

Если говорить о других фонетических особенностях, то употребление слога *си* вместо обычного для бурятского языка *хи*, потеря долготы гласного в некоторых слогах, переход в слове конечного переднерядного гласного *и* в проточный согласный *ј* при наращивании суффикса, случаи безразличного употребления гласных *у* и *ү* — все эти фонетические явления, встречаемые в отдельных бурятских говорах, по-видимому, развились под влиянием эвенкийского языка.

В бурятских диалектах слог *хи* с мягким согласным может перейти в *ти*, а между тем в ряде мест Западной Бурятии он переходит в *си* или даже в *ши*. Например, чаще говорят не *тамхи* или *тамти*, а *тамси* или *тамши* (табак) и т. д. Это напоминает переход в тунгусском языке согласного *т* в *с* перед соединительным гласным и при образовании числа¹¹⁸.

Краткость и долгота гласных в бурятских диалектах носит довольно устойчивый фонематический характер. Лишь в некоторых западно-бурятских говорах встречаются случаи утери долготы: так, произносят *барун* вместо *баруун* (западный; правый), *даһан* вместо *дааһан* (курительная трубка), *дэһэн* вместо *дээһэн* (волосяная веревка) и некоторые другие. Это явление, пожалуй, допустимо ставить в параллель с тем, что в эвенкийском языке, как указывает М. А. Кастрен, долгий слог в конце слова и в односложном слове часто произносится кратко¹¹⁹.

В бурятском языке аффикс с начальным гласным присоединяется к слову с конечным дифтонгом обычно посредством соединительного согласного *г*. Однако в аналогичной ситуации в западнобурятских говорах конечный *и*-образный компонент дифтонга преобразуется в *ј*, который не требует после себя соединительного *г*, например: *нохой* (собака) (им. п. ед. ч.) + *-оор* (аффикс оруд. п.) дает *нохойоор* (вм. обычного *нохойгоор*) (собакой). Это согласуется с тем, что в эвенкийском языке, как пишет М. А. Кастрен, конечный *и* при добавлении аффикса переходит в *ј*¹²⁰.

В бурятском языке четко различаются узкие огубленные краткие и долгие гласные у и ү, уу и үү, а также дифтонги уи и үи, первые из которых являются твердоядными, а вторые — мягкорядными. Но в западнобурятских говорах эти звуки иногда начинают терять четкость и употребляются безразлично: в частности, могут сказать *Уда* и *Үдэ* — Уда (река), *буубай* и *бүүбэй* — ребенок, *тууса* и *түсэ* — туесок и другие. В этой связи привлекает внимание тот факт, что в эвенкийском языке нет отмеченной выше дифференциации интересующих нас узких огубленных гласных звуков, а имеет место лишь нейтральный гласный у (с соответствующим долгим у)¹²¹.

Если до сих пор речь шла о говорах западных бурят, то теперь на одном-двух примерах проиллюстрируем эвенкийское влияние на звуковую сторону говора олонских хамниганов.

В результате экспедиционного обследования говора олонских хамниганов, проведенного в 1961 году научными сотрудниками отдела языкознания Бурятского института общественных наук, было выявлено довольно частое в этом говоре огубление как долгого, так и краткого э. Хамниганы говорят: *бидэ кэлөө мэдкөө бол'сон* (вместо характерного для бурятского языка *бидэ хэлээ мэдхээ бол'ообд'и*) — мы забыли свой (имеется в виду хамниганский, то есть эвенкийский) язык; *тэдэ* и *тэдээн*, иногда почти *төдөөн* (вместо *тэдэ* и *тэдээн*) — оии.

Произношение олонскими хамниганами гласного э с огублением, вероятно, возникло под влиянием эвенкийского субстрата. При этом мы исходим из того, что в эвенкийском языке долгий гласный э является «довольно огубленной» фонемой¹²² и что это качество долгого гласного, видимо, перешло в говоре олонских хамниганов и на краткий гласный.

В говоре олонских хамниганов в словах с мягкорядной огласовкой употребляется смычный согласный к вместо обычного для монгольских языков и диалектов щелевого х: хамниганы произносят *күн* (вместо *хүн*) — человек, *кэлэ* (вместо *хэл* или *хэлэн*) — язык. Думается, что этот факт связан с тем, что в эвенкийском языке смычный глухой согласный к представляет самостоятельную фонему, тогда как щелевой глухой согласный х является не устоявшимся факультативным звуком, могущим иногда переходить в фарингальный h¹²³. Если нет достаточных оснований считать употребление смычного к в говоре олонских хамниганов субстратным явлением, то, по крайней мере, надо полагать, что сохранение этого к было обусловлено эвенкийским влиянием. Правда, имеется и другое мнение: смычный к, употреб-

ляемый в говоре хамниганов, некоторыми монголоведами квалифицируется как остаточное явление от среднего периода развития самого общемонгольского языка. Между тем, смычная фонема к сохранилась в тех частях монгольского мира, где сказывалось внешнее воздействие: у ойрат-монголов, калмыков и нижнеудийских бурят под тюркским влиянием, а у дагуров и оионских хамниганов под эвенкийским влиянием.

В заключение следует отметить, что при более тщательном изучении некоторые из наших сопоставлений могут оказаться, разумеется, опровергнутыми, но зато вместо них, несомненно, обнаружатся многие другие факты, указывающие на наличие эвенкийского субстрата в бурятских говорах.

По нашему мнению, приведенные выше данные в достаточной мере свидетельствуют о заметном этническом и языковом проникновении эвенкийских элементов в бурятскую среду.

---

¹См.: Рукописный отдел Бурятского филиала СО АН СССР, инв. № М-1-758, с. 61—66.

²См.: «Летописи тегенгинских бурят», вып. 1. — Хроника убаши Дамбиджалан Ломбоцыренова. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 3—5.

³См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1972, с. 525.

⁴Хадалай — сын Хэнгэлдыра, старшего сына Зонхи, являющегося, по устной традиции западных бурят, единственным сыном Эхирита.

⁵Зоги — местность на Оиотской возвышенности на северо-западном побережье озера Байкал.

⁶Приведенные здесь и выше высказывания взяты из записей, сделанных во время экспедиционной поездки к эхиритским бурятам в 1964 году.

⁷См.: Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 220, 256, 305.

⁸Хонгодоры живут в основном по Алари, Тунке и Закамие и считаются одним из крупных подразделений бурят.

⁹М. Г. Улаханов, проживающий в селе Хартирген Боханского района Иркутской области, в июне 1963 года сообщил нам, что в Хохорске, соседнем с Хартиргеном селе, живут шошольки, имеющие хаминганское происхождение.

¹⁰Б. О. Долгих. Указ. соч., с. 301.

¹¹Б. О. Долгих. Указ. соч., с. 349.

¹²В книге Б. О. Долгих отмечается, что баликагиры жили в Баргузинском присуде и Нерчинском уезде (см.: Указ. соч., с. 308).

¹³Хуасай — один из одиннадцати хоринских родов.

¹⁴См.: Б. О. Долгих. Указ. соч., с. 304.

¹⁵См.: Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 23.

¹⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 16.

¹⁷См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 320. Э. Р. Раднаев полагает, что именно от эвенкийского «олло» произошло название Алла (см.: «Иссле-

дование бурятских говоров», вып. I. Улан-Удэ, 1965, с. 96).

¹⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 25.

¹⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 30.

²⁰См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 38.

²¹См.: А. Г. Митрошкина. О лексических и морфологических особенностях говора качугских (верхоленских бурят). — «Тр. БКНИИ», вып. 3. Улан-Удэ, 1960, с. 139.

²²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 38.

²³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 47.

²⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 131 и 137.

²⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 248.

²⁶См.: Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, с. 92.

²⁷См.: Б. Я. Владимирцов. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. — «Докл. Академии наук, серия «В». М., 1929, с. 173.

²⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 407; Е. И. Титов. Указ. сл., с. 149.

²⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 189; Е. И. Титов. Указ. сл., с. 75.

³⁰См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 200; Е. И. Титов. Указ. сл., с. 78.

³¹«Зан. БМ НИИК», вып. XX. Улан-Удэ, 1955, с. 160.

³²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 218.

³³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 207.

³⁴См.: А. Г. Митрошкина. О лексических и морфологических особенностях говора качугских (верхоленских) бурят, с. 139.

³⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 165; Е. И. Титов. Указ. сл., с. 64.

³⁶К. М. Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951, с. 59.

³⁷См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 11.

³⁸См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 176.

³⁹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 38.

⁴⁰См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 231.

⁴¹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 134.

⁴²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 147.

⁴³См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 283.

⁴⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 140.

⁴⁵См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 291.

⁴⁶См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 51 и 52.

⁴⁷См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 112.

⁴⁸См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 321.

⁴⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 259.

⁵⁰См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 353.

⁵¹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 100.

⁵²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 305.

⁵³См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 374.

⁵⁴См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 123.

⁵⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 327.

⁵⁶См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 395.

⁵⁷См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 50.

⁵⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 146.

⁵⁹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 129.

- ⁶⁰См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 376.
⁶¹См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 455.
⁶²См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 152; Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 415.
⁶³См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 460.
⁶⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 405.
⁶⁵См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 150.
⁶⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 410.
⁶⁷См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 509.
⁶⁸См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 160.
⁶⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 447.
⁷⁰См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 597.
⁷¹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 81.
⁷²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 212.
⁷³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 221.
⁷⁴См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 654.
⁷⁵См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 131.
⁷⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 360.
⁷⁷См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 660.
⁷⁸См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 133.
⁷⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 365.
⁸⁰См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 685.
⁸¹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 523.
⁸²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 524.
⁸³См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 708.
⁸⁴См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 171.
⁸⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 522.
⁸⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 574.
⁸⁷См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 8.
⁸⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 26.
⁸⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 58.
⁹⁰См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 56.
⁹¹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 383.
⁹²См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 75.
⁹³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 188.
⁹⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 523.
⁹⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 40.
⁹⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 49.
⁹⁷См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 82.
⁹⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 47.
⁹⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 133 и 134.
¹⁰⁰См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 149.
¹⁰¹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 405.
¹⁰²Перечисляемые ниже примеры взяты из работы сотрудника Отдела языкознания Бурятского института общественных наук Д. Г. Дамдинова, посвященной изучению говора олонских хамниганов.
¹⁰³См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 10.
¹⁰⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 30.
¹⁰⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 82.
¹⁰⁶См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 68.

¹⁰⁷См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 177.

¹⁰⁸См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 77.

¹⁰⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 197.

¹¹⁰См.: Н. П. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., Изд-во АН СССР, 1927, с. 47 а.

¹¹¹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 97.

¹¹²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 258.

¹¹³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 457—458.

¹¹⁴См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 59.

¹¹⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 563.

¹¹⁶Е. И. Титов. Указ. сл., приложение, с. 3, 6; О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.-Л., «Наука», 1964, с. 21.

¹¹⁷Такое предположение высказывает монголовед и тюрколог В. М. Наделяев (устное сообщение).

¹¹⁸См.: Е. И. Титов. Указ. сл., приложение, с. 10.

¹¹⁹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., приложение, с. 7.

¹²⁰См.: Е. И. Титов. Указ. сл., приложение, с. 59.

¹²¹См.: О. А. Константинова. Указ. соч., с. 17.

¹²²См.: О. А. Константинова. Указ. соч., с. 14.

¹²³См.: О. А. Константинова. Указ. соч., с. 23.